

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 009

Ю. Б. Костякова

г. Абакан, Россия

ПОЭЗИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ КАК ФЕНОМЕН МЕДИАКУЛЬТУРЫ (по материалам журнала «Сибирские записки»)

АННОТАЦИЯ. В статье исследованы содержание и тематика поэтических произведений, опубликованных в журнале «Сибирские записки» в 1916–1918 гг. Проанализированы идейные позиции авторов стихов, выделены использованные ими способы выражения своих мыслей. Революционная поэзия рассмотрена с позиций медиаккультуры, как средство формирования общественного сознания и социализации личности сибиряков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэзия, революция, медиаккультура, журнал «Сибирские записки»

Ju. B. Kostyakova

Abakan, Russia

POETRY OF THE REVOLUTIONARY EPOCH AS A PHENOMENON MEDIA CULTURES (based on the materials of the «Sybirskiye Zapiski» (“Annals of Siberia”))

ABSTRACT. The article explores the content and the themes of poetical works published in Sybirskiye Zapiski (“Annals of Siberia”) journal in 1916–1918. It analyzes ideological positions expressed by the authors of the poems and highlights expressive tools they used to convey their ideas. Revolutionary poetry is analyzed through the lens of mediaculture, as a tool for public consciousness development and socialization of Siberian residents.

KEYWORDS: poetry, revolution, mediaculture, Sybirskiye Zapiski journal

Термин «медиаккультура» в настоящее время достаточно широко используется в научной литературе. Отечественные исследователи трактуют его как особый тип культуры информационного общества, но расходятся в определениях содержания, свойств и функций медиаккультуры. Также существующие формулировки ее дефиниций не всегда позволяют использовать их в исторических исследованиях, применительно к дореволюционному и советскому периоду. Наиболее приемлемыми в этом плане являются определения, которые трактуют медиаккультуру как результат исторически закономерного процесса развития человеческой культуры в целом.

Так, А. В. Федоров обозначает ее как совокупность «материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа», выступающую и в качестве системы «уров-

ней развития личности человека, способного воспринимать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания в области медиа». Автор также обращает внимание на историзм процесса формирования медиаккультуры, как определенной системы воспроизводства масс-медиа и их функционирования в обществе [12, с. 114]. В. А. Возчиков, осмысливая данный вид культуры в философском и социокультурном аспекте, определил, что ее специфика проявляется в том, что она имеет способом своего бытования деятельность СМИ, «воссоздающих социокультурную картину мира с помощью словесных, звуковых и визуальных образов» [2, с. 10].

Согласимся также с мнением Н. Б. Кирилловой, которая называет медиаккультуру совокупностью «информаци-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

онно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности». Автор справедливо указывает, что важной составляющей такой культуры является взаимообмен информацией и интересов: «с одной стороны, люди (аудитория) воспринимают как интересное или полезное в первую очередь те сообщения, которые считают или чувствуют имеющими отношение к ним лично, и на них они «предъявляют спрос»; с другой стороны, производство медиапродукции не только ориентируется на интерес публики, но и побуждается реальными интересами, прежде всего политическими и экономическими, определенных сообществ, групп, инстанций и личностей» [5, с. 23-24].

Такой взаимообмен информацией и интересами заметно активизируется в сложные периоды истории, когда в публикациях средств массовой информации люди пытаются найти ответы на волнующие их вопросы. При этом периодическая печать, осознавая свою роль не только в информировании, но и формировании общественного мнения, принимает на себя и функцию «воспитателя» вкусов, информационных потребностей, сознания граждан. И публикуемые в ней стихи становятся мощным средством трансляции эмоций – как самих авторов по отношению к происходящим событиям, так и аккумулярованных в их произведениях переживаний множества людей.

Интерес в этом плане представляет 1917 г., ознаменовавшийся двумя революциями, результатом которых стала кардинальная трансформация государственного строя и сознания граждан России. Исследование содержания периодических изданий, которые выходили до февраля 1917 г. и не прекратили свое существование в 1918 г., позволяет проследить изменение видения действительности авторами стихотворных произведений, их представле-

ний о прошлом или будущем, степени накала страстей в обществе.

Для анализа мы выбрали журнал «Сибирские записки», выходивший в Красноярске в 1916-1919 гг. Его редактор В. М. Крутовский и значительная часть авторов являлись участниками общественно-политического и культурного движения сибирских областников. На страницах своего издания они пропагандировали идеи о необходимости федеративного устройства империи, благодаря которому Сибирь перестанет быть «штрафной колонией» и обретет такие же права, как и административные образования европейской части страны.

Важным направлением областничества было и культуртрегерство – своего рода культурное миссионерство, способствующее просвещению народа, сохранению истории, пропаганде традиций, в том числе и коренных сибирских народов. Областные идеи во многом определяли представления авторов об истории и культуре Сибири, ее особенностях (географических, природных, исторических), о ее желаемом будущем («лучшей доле»). Такие взгляды находили свое отражение в стихах, составлявших неотъемлемую часть литературного раздела журнала.

Жанровая палитра стихотворных произведений в «Сибирских записках» была достаточно широкой: здесь публиковались баллады, элегии, исторические и этнографические поэмы, сонеты, песни. Исследователи отмечают, что несомненной заслугой В. М. Крутовского было то, что ему удалось привлечь к сотрудничеству талантливых и известных в то время литераторов, ученых и публицистов [7, с. 31]. Среди них были и поэты – Ф. Ф. Филимонов, П. З. Озерных (Ст. Байкалов), Л. Ф. Пантелеев, Г. А. Вяткин (Георгий Сибирский) и др. Несмотря на это, тематический спектр поэзии в журнале был узким, на что, по нашему мнению, влияли: цензура, преимущественно любительский уровень создания произведений и часто их подражательный характер. Это отмечали и

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

сами авторы «Сибирских записок», характеризуя сибирскую поэзию так: «Она еще робка, она еще бедна. Она еще – бредет избитыми тропами» [14, с. 22].

В 1916 и самом начале 1917 гг. в журнале превалировала лирика. Переживания и депрессивный настрой поэтов были вызваны войной, принесшей гибель близких, существенное ухудшение политической и экономической ситуации в стране. Автор часто ассоциировал себя с путником, наблюдавшим картины запустения, всеобщего уныния, где «Пред тобой – ничего впереди, Пред тобой только мгла и туманы!» [8, с. 49]. Нередко использовался и литературный прием «сна», в котором поэт мог описать свои предчувствия перемен, ожидания «нового, светлого дня»:

Над злой землей нависли чары
Восторгов мщенья и бед
И к небу тянутся пожары,
Седые вестники побед [1, с. 40].

Родина (Сибирь) ассоциировалась с болотом, сохраняющим «напряженную тишь»; с руинами прошлого, где бродят лишь тени; с красавицей «в короне из лучей полярного сиянья, в одежде из парчи нетающих снегов», которая ожидает пробуждения от властного зова народного трибуна [9, с. 58]. Своей совокупностью такие произведения внушали читателям мысль о неприемлемости существующего положения, о необходимости изменений, которые должны разрушить кажущееся спокойствие, пробудить или сделать явными силы (борцов, трибунов), способные освободить Сибирь, народ в целом и конкретных людей (узников) от гнета, несвободы, несправедливости.

Первый отклик на Февральскую революцию, облеченный в стихотворную форму, был опубликован в № 3 «Сибирских записок». Ф. Лыткин под влиянием событий 12 марта 1917 г. написал своеобразную оду народу:

Вчера – холоп и раб послушный,
Вчера – приниженный плебей,
Ты стал, народ великодушный,
Сегодня выше королей! [6, с. 124].

Автор не только сам поддался всеобщей эйфории, но и смог в стихах передать состояние опьянения долгожданной свободой, ожидания кардинальных перемен к лучшему, радости, вызванной падением царизма и объявлением демократических свобод.

Песня свободная слышится,
Песня, сменившая стон.
В воздухе много колышется
Ярких и светлых знамен [13, с. 14].

Песни и знамена составляли своеобразный аудиовизуальный образ этого нового для общества состояния. Изменение тональности музыкальных произведений символизировало в представлениях авторов духовное освобождение народа. Светлые цвета и разнообразие знамен, под которыми проходили демонстрации и другие массовые мероприятия, свидетельствовали о демократизме новой власти, при которой было возможно демонстрировать различные политические воззрения.

Отмена цензуры позволила публиковать в журнале произведения, которые раньше были запрещены к печати. Одним из них стало стихотворение, написанное К. Дубровским еще в 1906 г. Родину он ассоциировал с женщиной, терзаемой палачами («На челе ея скорбном терновый венец. Цепью крепко закованы руки»). Себя он изобразил тюремным узником, который не только готовит свое освобождение («Разбиваю я ржавые звенья своих тяжких цепей, средь ночной тишины»), но и вынашивает планы отмщения за поруганную честь Родины («Гряну я на врагов твоих божьей грозой») [7, с. 1-2]. Подобные произведения с соответствующими комментариями должны были свидетельствовать читателям о том, что протестные настроения сохранялись и после поражения революции 1905 г., но не могли быть проявлены публично из-за цензурных запретов.

Февральская революция обеспечила возможность воплощения в жизнь давних планов областников о введении федеративного принципа устройства России, изменении колониального статуса Сибири,

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

что должно было содействовать решению политических, экономических и культурных проблем региона. Эти ожидания нашли свое воплощение и в поэзии. Интерес, в первую очередь, представляют два гимна, написанные в 1917 и 1918 гг. Оба произведения объединяет центральный образ героя-патриота, сибиряка по рождению («сын задумчивой тундры и мрачных угрюмых лесов»), готового и страстно желающего отдать свою жизнь и любовь во имя родной Сибири.

Однако первый гимн, написанный до Октябрьской революции, возможно – под впечатлением прошедшего 8-17 октября в Томске первого областного (всесибирского) съезда, акцентировал внимание читателя на красотах и достоинствах Сибири, за которую герой готов пожертвовать всем [11, с. 141]. Второе же произведение, созданное после ликвидации Советской власти в Сибири, содержало символическое описание борьбы с большевизмом.

О, да! Силен был общий враг –
И зовом пламенным и страстным
Над нами реял красный стяг.
В крови, и в муках, и в печали
Неизъяснимое росло.
И злые тернии венчали
Свободы гордое чело [3, с. 1-2].

Главенство бело-зеленого стяга (официального знамени областников) символизировало не только победу над большеви-

стским режимом, но и превосходство политических позиций и устремлений областников над идеологией их соперников и идеологических противников. Цветовой символ свободы строился на соединении двух образов – белого снега и бескрайней зеленой тайги, что должно было формировать в сознании читателей образ Сибири, за благополучие и процветание которой ведется борьба.

Знамени дали цвета неслучайные.
Ткали стихии их Родине тайные –
Холод с тайгою да ветры лишь
вольные,
Чтобы воспрянули к жизни
бездольные,
К свету и к счастью, народы
окрайные [10, с. 1].

Военный переворот и приход к власти адмирала Колчака, Гражданская война и восстановление Советской власти в Сибири нивелировали политические устремления областников. Журнал «Сибирские записки» был закрыт. Но опубликованные в нем стихотворные произведения позволяют реконструировать эмоциональный фон, на котором читатели издания воспринимали революционные события. Стихи создавали мощный эмоциональный настрой, содействовали формированию в сознании аудитории представлений о патриотизме и желаемом будущем для Родины – Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкалов Ст. Как сны... // Сибирские записки, 1916. № 1. – С. 40.
2. Возчиков В. А. Философия образования и медиакультура информационного общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – СПб, 2007. – 25 с.
3. Вяткин Г. Гимн Сибири // Сибирские записки, 1918. № 4. – С. 1-2.
4. Дубровский К. В тюрьме // Сибирские записки, 1917. № 4-5. – С. 1-2.
5. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2005. – 448 с.
6. Лыткин Ф. 12 марта 1917 г. // Сибирские записки, 1917. № 3. – С. 124.
7. Мешалкин П. Н. Патриарх красноярской интеллигенции: Владимир Михайлович Крутовский (1856-1938) – врач, литератор, общественно-политический деятель // Одержимые: о деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX-XX вв.: [сб. очерков]. – Красноярск, 1998. – С. 6-37.
8. Пантелеев Л. Проходи! // Сибирские записки, 1917. № 1. – С. 49.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

9. Семчевская–Егорова Е. Родина. Памяти Н. М. Ядринцева // Сибирские записки, 1916. № 2. – С. 58.
10. Сибирский Г. Бело-зеленое знамя... // Сибирские записки, 1919. № 4-5. – С. 1.
11. Сидоров А. Я родился от Солнца // Сибирские записки, 1917. № 6. – С. 141.
12. Федоров А. В. Медиаобразование в педагогических вузах. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2003. – 124 с.
13. Филимонов Ф. Знамя // Сибирские записки, 1917. № 6. – С. 14.
14. Щеглов Н. Сибирская поэзия // Сибирские записки, 1919. № 2 – С. 22.